

ключает, что предметом героического воспевания могут быть и сцены героических битв («не из поэтической гордыни, а из природы самого дела») [7, с. 458], и наравне с ними «классические образы женской красоты, как Елена, Леда, Эвридика». Красота и героическое – как эстетические категории, восходящие к категории прекрасного, ставятся художником на одну ступень.

Источники и литература

1. Аношкина В.Н. Афанасий Афанасьевич Фет // История русской литературы XIX века. 40–60 годы. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – 507 с.
2. Белинский В.Г. Стихотворения Аполлона Майков // Полн.собр.соч., – М.: Худож.лит., 1955. – Т.6. –С.18–19.
3. Кузьмин И.А. Материалы к биографии А.А.Фета // Русская литература. – СПб.:Наука. – 2003. – №1. – С.122–142.
4. Крымская война сквозь призму поэзии.– Санкт-Петербург, 2001. – 80 с.
5. Розенблюм Л.А. А.Фет и эстетика «чистого искусства» // Вопросы литературы. – М., 2003. – №2. –С.105–162.
6. Салтыков-Щедрин М.Е. Литературная критика. – М.: Современник, 1982. – 349 с.
7. Фет А.А. Воспоминания. – М.: Правда, 1983. – 496 с.
8. Чернышевский Н.Г. Избранные эстетические произведения. – М.: Искусство, 1978. – 560 с.

Минчик О.С.

ПРОБЛЕМА «СМЕРТИ АВТОРА» И ПОЛО-РОЛЕВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Актуальность данной статьи определена тем фактом, что до настоящего времени практически отсутствовала история литературы, не затрагивающая произведений и их авторов. Подтверждением этого могут служить все классические исследования разных периодов русской литературы с момента ее становления, в процессе развития и в современную эпоху. Это научное наследие раскрыло перед нами разнообразный мир русской литературы как отражения динамики внутреннего философского, мировоззренческого и духовного потенциала русской культуры, с одной стороны, и проявления творческой индивидуальности каждого автора, с другой. Однако еще в прошлом столетии известнейшим французским семиологом и литературоведом Р. Бартом было высказано ценное замечание о состоянии литературоведения на тот период – и, что является немаловажным, это высказывание вполне четко характеризует его современное состояние: «Мы располагаем историей литературы, но у нас нет науки о литературе, и причина этого, несомненно, в том, что до сих пор нам не удалось в полной мере уяснить природу литературного объекта, являющегося объектом, существующим в письме. Однако если мы согласимся допустить (и извлечь из такого допущения соответствующие выводы), что произведение является продуктом письма, сразу же возникнет возможность появления определенной науки о литературе» [1, с. 355].

Кроме того, Бартом были отмечены возможные в дальнейшем пути и перспективы развития литературоведения: «...для изучения литературы требуются две дисциплины, различные и по объекту, и по методам изучения; в первом случае объектом будет литературная институция, а методом будет исторический метод в его самой современной форме; во втором же случае объектом будет литературное творчество, а методом – психологическое исследование» [1, с. 210].

Научные искания отечественных исследователей 90-х годов осуществили вполне удачные попытки комплексного изучения художественных текстов с помощью метода системного научного синтеза. Во многом они опирались на естественные науки.

Так, Е.Н. Винарская в процессе паралингвистического исследования выразительных средств поэтического текста много внимания уделила эмоциям человека, их биологическим предпосылкам, социальному своеобразию. Это дало ей возможность сделать определенные выводы: «Поэтическую речь мы вправе назвать, по выражению Л.И. Тимофеева, типизированной формой эмоционально окрашенной речи. Фонические, ритмические, мелодические, акцентные и прочие паралингвистические средства, обеспечивая эмоциональную выразительность поэтических текстов, играют в них основную конструктивную роль; в стихах они дополняют, а иногда и вытесняют словарное значение слова» [2, с.5].

Именно поэтому, в связи со значительными изменениями в области литературы и литературоведения в современную эпоху, нам представилось актуальным и необходимым осуществить анализ поэтики женской и мужской лирики дореволюционного периода «серебряного» века с позиций двух подходов, а именно: глубинно-психологического (рассматривающего поэтический текст как результат творческой деятельности его автора, мотивация которой бессознательна по своей природе) и постмодернистского (рассматривающего текст как самостоятельный феномен). Это позволило осветить не затронутые ранее аспекты влияния культурно-исторической ситуации исследуемого периода на отдельную личность и её творчество, с одной стороны, и, с другой стороны, изучить своеобразие авторского текста вне его связей с личностными особенностями автора.

Нами было проведено паралингвистическое исследование, объектом которого являлась женская и мужская лирика «серебряного» века дореволюционного периода, представленная произведениями М. Цветаевой, З. Гиппиус, А. Ахматовой, О. Мандельштама, М. Волошина и В. Брюсова. Его предметом выступили проявления пассивности/агрессивности и женственности/мужественности в поэтических текстах вышеупомянутых авторов, целью являлся сравнительный анализ степени проявления указанных категорий в мужских и женских поэтических текстах. В качестве основы теоретической и экспериментальной части исследования нами использовались глубиннопсихологические теории о структуре и функционировании психики, а именно: представления З. Фрейда о психологии масс и становлении культуры, структурный психоанализ Ж. Лакана, основной корпус работ К. Г. Юнга. В качестве методов исследования нами использовался фоно-семантический анализ текста (компьютерный комплекс ВААЛ).

В соответствии с видением постмодернистских авторов – Р. Барта [2], Ж. Деррида [3], Ю. Кристевой [5] и других - классическая культура может быть определена как фоноцентричная, т.е. основанная на презумпции

неразрывной связи голоса (как естественного репрезентанта естественного языка) и стоящего за голосом значения. Согласно постмодернистской ретроспективе, собственно традиция философской классики фактически фундирована фонологизмом. Фоно-семантический анализ в некоторых аспектах очень близок с семанализом Кристевой, который был разработан с целью анализа способов означивания говорящего субъекта и соответствующих им первичных лингво-психологических процессов. Теоретические основания фоно-семантического анализа, базирующиеся на идеях звуко-символизма, не противоречат концепции фонологизма. Эта концепция была положена в основу нашего подхода к анализу поэтических текстов «серебряного» века.

Что же касается применения фоно-семантического анализа в исследованиях поэтических текстов, то еще Журавлевым (а именно его разработки в этой области легли в основу комплекса ВААЛ) были намечены его перспективы: «Принципы автоматического анализа фонетического значения текста как раз и могут быть применены для объективного изучения одного из аспектов содержательности формы, а именно содержательности фонетической организации поэтического текста» [4, с. 113].

Кроме того, выбранный нами метод фоно-семантического анализа позволил нам провести исследование и в русле глубинной психологии К.Г.Юнга, так как данный метод апеллирует к образам коллективного бессознательного – не на уровне архетипа, но на уровне качественных характеристик, их составляющих, номинаций, из которых потом сплетается образ архетипа.

Фоно-семантический анализ программы ВААЛ проводит анализ в рамках 24 шкал, состоящих из антонимичных пар прилагательных русского языка. Для нашего исследования было нецелесообразным использование всех 24 шкал, наиболее интересными для нас являлись те, которые свидетельствовали о женственных и мужественных проявлениях, а также явлениях, связанных с агрессивностью и пассивностью: гладкий – шероховатый; округлый – угловатый; нежный – грубый; женственный – мужественный; тихий – громкий; пассивный – активный; трусливый – храбрый; медленный – быстрый.

В анализе феноменов русской культуры следует помнить о своеобразии русского менталитета, некоторых его отличиях от менталитета носителей западной культуры. Среди прочих следует указать особенности эволюции женственности, являющейся одной из самых характерных для архетипа "русской" женственности и "русской души", заключающейся в появлении у женщины огромной потребности в творчестве на определенном этапе развития личности [8]. Можно сказать, что рубеж веков и «серебряный» век русской поэзии оказались тем этапом, когда одной из ступеней на пути к женской идентичности является творчество. Из всех видов творчества было выбрано преимущественно творчество литературное, которое, помимо всего прочего, позволяет женщине символически реализоваться как матери.

Мы говорим не о какой-то конкретной женщине, а о социо-культурном феномене, который возник в период так называемого «серебряного» века – феномене женщины-поэта. Рубеж веков, переломный по своей природе, насыщенный политическими и социальными событиями – одновременно причина и следствие изменений как в сознании, так и в бессознательном народа. Это явление коллективное, и оно обязательно перекликается с жизнью коллективной души. То, что раньше было только социально желательным и находило отражение в русском фольклоре, актуализировалось и стало воплощаться в реальность. Говоря об культурных изменениях, ведущих за собой изменения статуса женщины, мы, прежде всего, должны помнить о том, что модифицировалось само понятие женственности. Оно стало шире: на уровне коллективного бессознательного стало легитимным женское творчество.

Можно сказать, что, адресуя все процессы женского литературного творчества к вопросам коллективного бессознательного, национального самосознания и прочего, мы, таким образом, обезличиваем творческую деятельность, приписывая ее некоему собирательному коллективному образу автора. Это во многом и так, и не так.

Ю. Кристева считала, что исследование феноменов культуры посредством прямого приложения лингвистической модели игнорирует позицию субъекта. Об этом в своих исследованиях свидетельствует и Р. Барт, говоря о языковых способностях человека, с одной стороны, и с другой стороны, литературной способности, речевой энергии, которая не имеет ничего общего с его «гением», так как она заключена не во вдохновении и не в индивидуальных волевых устремлениях, а в правилах, сформировавшихся за пределами авторского сознания: «Мифический голос музы напечатывает писателю не образы, не идеи и не стихотворные строки, а великую логику символов, необъятные полые формы, позволяющие ему говорить и действовать» [1, с. 356]. Таким образом, становится нецелесообразным говорить о некоем отдельно взятом авторе: наука о литературе способна лишь сблизить литературное произведение с мифом.

Литературоведы склонны полагать, что писатель владеет всеми правами на смысл своего произведения. Результатом этого заблуждения становится традиция обращаться к личности писателя, к его жизни, к различным свидетельствам о его замыслах, чтобы тот сам удостоверил идею своего произведения: «Мы во что бы то ни стало желаем заставить заговорить мертвеца или то, что может сказать за него, – эпоху, жанр, словарный фонд эпохи, короче, всю современность писателя, к которой, метонимически, переходят права на его творчество» [1, с. 356].

Так появляется понятие «смерть автора» – парадигмальная фигура постмодернистской текстологии, фиксирующая идею самодвижения текста как самодостаточной процедуры смыслопорождения. Скриптор – понятие, сменившее в постмодернистской текстологии традиционное понятие "автор" – фиксирует отказ философии постмодернизма от наделения субъекта письма причиняющим статусом по отношению к тексту, личностно-психологическими характеристиками и даже самодостаточным бытием вне рамок пишущегося текста. По формулировке Р. Барта, скриптор рождается одновременно с текстом, у него отсутствует бытие до и вне письма. Письмо являет собой единственно возможное пространство, где может находиться субъект письма. Фигура автора тотально утрачивает свою психологическую артикуляцию и деперсонифицируется: по оценке Кристевой, автор становится кодом, анонимом, и "стадия автора" – это в системе отсчета текста стадия «нуля», отрицания и изъятия. Фактически скриптор является не более, чем носителем языка, и письмо, таким образом, является изначально обезличенной деятельностью.

Проведенное нами исследование позволило доказать, что с помощью применения лингвистических моде-

лей исследования (в данном случае - компьютерного комплекса ВААЛ, осуществляющего автоматический фоно-семантический анализ текста) позиции субъекта не только не игнорируются, но, в некоторых случаях, наоборот, более ясно очерчиваются. Да, безусловно, фоно-семантический анализ исключает возможности дать сколько-нибудь объективные данные относительно личностно-психологических качеств автора, его творческих замыслах или бытии вне текста. Но можно с уверенностью сказать, что женский поэтический текст (см. рис.1) незначительно отличается от поэтического текста мужчины (см. рис. 2). В нем, как и в поэтическом тексте, написанном автором-мужчиной, в большинстве случаев отсутствует женственный субъект. Исследования языковой действительности поэзии «серебряного» века, проведенное С.Н. Шепелевой и другими исследователями [9], показало, что на протяжении всего периода Серебряного века имело место снижение интенсивности нежелательных (с обыденной точки зрения) проявлений психической активности. Иными словами, непрерывно шел сдвиг от левополушарной (аналитической, абстрактной, мужской) доминанты к правополушарной (эмоциональной, конкретной, женской). И границей, остановившей этот процесс, стал закат Серебряного века российской поэзии (1910-1919). За этой границей столь же последовательно процесс пошел вспять - к анализу, абстракции, объектности, т.е. к "левополушарной" поэзии. Таким образом, мы видим, что даже «женская» по своим характеристикам модель языковой действительности исследуемого периода, распространяющаяся на поэтическое творчество повсеместно, вне зависимости от пола автора, в очень малой степени повлияла на субъект поэтического письма, в подавляющем большинстве случаев оставшимся мужественным либо нейтральным.

В понимании Кристевой субъект предстает как субъект "процессуальный", фрагментированный работой инстинктивных влечений, относящихся к первичному синтезу воображаемого тела, и первичной идентификацией с матерью и символическим законом (отцовской функцией) – то есть как множество непостоянных идентификаций, удерживаемое посредством отцовской символической функции.

С момента, когда идентификация произошла, рождается текст, конституирующий воображаемое тело скриптора, и тогда, действительно, нет различий между мужчиной и женщиной, есть это самое тело, и оно мужественно.

Так женщина, идя по стезе поэта, говоря категориями постмодернизма, сначала становится матерью самой себе [6], а затем рождает себя как сына.

Не случайно К.Г.Юнг, сравнивая творческий процесс с беременностью и родами, полагал, что он женственен по своей природе, а его результат – произведение – мужественен [10].

В рамках теории постмодерна и деконструкции (в частности, представлений о скрипторе как модельной надстройкой над зиянием пустоты смерти автора), может показаться, что мы сами себе противоречим, презентуя такую цепь преемственности субъектов письма поэтического текста.

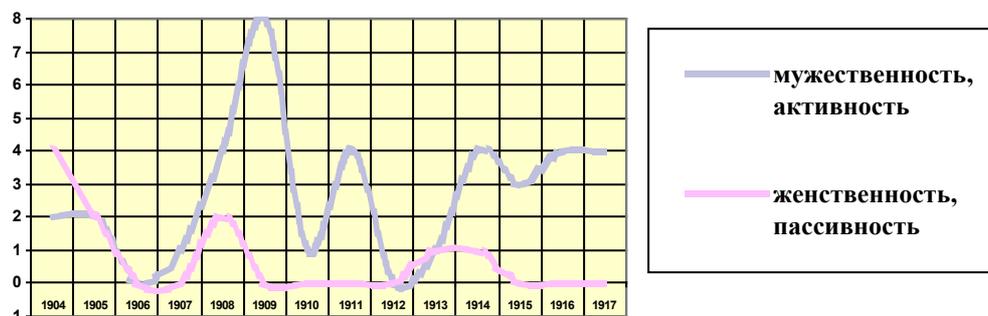


Рис. 1. График динамики проявления категорий мужественности и активности, женственности и пассивности в женских поэтических текстах.

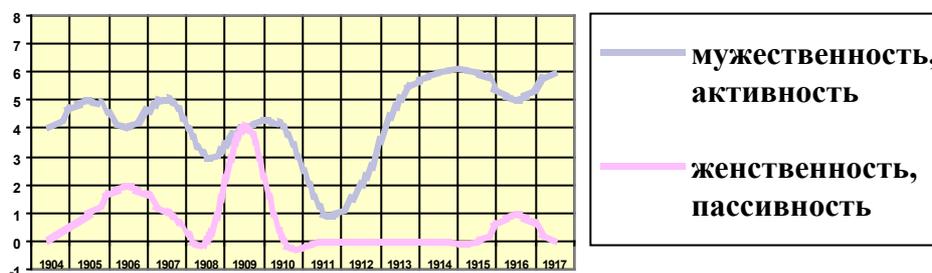


Рис. 2. Динамика проявления категорий мужественности и активности, женственности и пассивности в мужских поэтических текстах

Несколько абстрагируемся от моделей классического постмодернизма и обратимся к современному постмодернизму, стратегическая ориентация которого фундируется отказом от радикализма в реализации установки на «смерть субъекта». Поздний Деррида, аналитик дискурса Мишель Пёше и ряд других исследователей [7] в процессе эволюции своих взглядов ввели понятие «воскрешение субъекта» как акт выявления субъекта в контексте вербальных практик и реконструкции субъективности, вторичной по отношению к дискурсивной среде. Итогом субъективизации становится l'effet-sujet, или эффект-субъект. Он понимается как результат того способа конституирования субъектности, который возможен в рамках данного типа дискурсивности. То или иное общество рассматривается как гештальтно-семантическая детерминанта по отношению к дискурсу. Согласно концепции Пёше, субъект дискурса есть не что иное, как продукт соответствующей речевой деятельности, то есть некоторой «идеологической формации». Таким образом, внимание фокусируется на соци-

культурних механізмів конститування суб'єктивності як конкретно-історическої. Це дозволяє, отримавшись від презумпції анти-психологізму класического постмодернізму, реконструювати соціокультурно і історически детермінованого, а значить, несущого міфологіческу нагрукку суб'єкта – суб'єкта архетипического. Неудивительно, що етим архетипом буде Архетип Великої Матері, несущий причиняющую нагрукку относительно текста, с одной стороны, и являющийся адресатом, с другой. Посредником этого диалога является сам поэтический текст – ввиду его мужественных черт назовем его сыном – в рамках отцовского символического закона обходящего эдипову ситуацію.

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы: в поэтическом тексте, безусловно, присутствует такое понятие, как смерть автора, обезличивающее произведение, но это никак не обрывает возможности идентификации с эффект-субъектами этого текста, конституирующими новую сущность. Таким образом, смерть автора не влечет за собой смерти пола. Можно сказать, что автор беспол, и его уход – это только уход атрибутики его бытия, в то время как само его присутствие остается. Будь то женщина-поэт или мужчина, в своем стихотворении каждый из них находит и играет соответствующую роль. Именно поэтому было бы заблуждением полагать, что активное участие женщин в поэзии является результатом их эмансипации или маскулинизации. Это новый путь реализации их женственной сути, обусловленный мифологической картиной культурно-історической ситуації в стране.

Источники и литература

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989 – 616 с.
2. Винарская Е.Н. Выразительные средства текста (на материале русской поэзии): учебное пособие для студентов пединститутов по спец. «Рус. яз. и лит.». – М.: Высш. шк., 1989. – 136 с.
3. Гурко Е. Тексты деконструкции. Деррида Ж. Differance. – Томск: Издательство “Водолей”, 1999. – 160 с.
4. Журавлев А.П. Фонетическое значение. СПб, 1974. – 243 с
5. Кристева Ю. Избранные труды: разрушение поэтики / Пер с франц. – М.: РОССПЭН, 2004. – 656 с.
6. Николчина М. Значение и матерубийство. Традиция матерей в свете Юлии Кристевой. Перевод с англ. З.Баблюяна. – М.: Идея-Пресс, 2003. – 180 с.
7. Постмодернизм. Энциклопедия.– Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2001.– 1040 с.
8. Роберт А.Джонсон. Она. Глубинные аспекты женской психологии. Пер. с англ. - В.Мершавка: Фолио, Харьков, 1996. – Институт общегуманитарных исследований, М., 1996. – 123 с.
9. Шепелева С.Н., Батов В.И., Петров В.М. Психолінгвістический анализ поэтического творчества. // Вопросы психологии. – 1998. – №1. – С. 84 – 90.
10. Юнг К.Г. Либи́до, его метаморфозы и символы. – СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1994. – 416 с.

Нікітченко О.В.

ФРАЗЕОЛОГІЧНА МІКРОСИСТЕМА «СПРИЙНЯТТЯ ЛЮДИНОЮ ЧАСУ» В УКРАЇНСЬКІЙ ТА АНГЛІЙСЬКІЙ МОВАХ

Дослідники фразеології неодноразово звертали увагу на її нерозривний зв'язок з гуманітарним, емоційно-духовним життям народу-творця. Так, А.М.Емірова пише: «Фразеологія покриває переважно ті ділянки дійсності, які безпосередньо пов'язані з людиною, з її баченням, оцінкою реалій, з психічними особливостями особистості–пізнавальними процесами, емоційно–вольовою стороною психіки, індивідуально–типологічними особливостями особистості тощо [1, с.29–30].

Отже, не випадково, що найчастіше об'єктом дослідження фразеологічної ідеографії стає ідеографічне поле «Людина», яке вважається прибічниками ідеографічного опису фразеології мови центральним у системному вивченні фразеології (монографії В.М.Мокієнка, Ю.Ф.Прадіда, А.М. Емірової, Бабкіна О.М., Гвоздарьова Ю.О. та ін.).

Однак, незважаючи на бурхливий розвиток фразеології другої половини ХХ століття та в останні роки, все ще залишається відкритою проблема ідеографічного опису фразеологічних мікро- та макросистем як на матеріалі однієї мови, так і за допомогою матеріалу споріднених і неспоріднених мов і, відповідно, укладання фразеологічних словників ідеографічного типу, що присвячені окремим фразеологічним мікросистемам.

Варто зазначити, що початки детального опису порівняльно-зіставного аналізу споріднених мов є у монографіях Ю.Ф.Прадіда «Фразеологічна ідеографія (Проблематика досліджень)» [8], В.М. Мокієнка «Слов'янська фразеологія»[7].

Метою роботи стало дослідження фразеологічної мікросистеми «Сприйняття людиною часу», оскільки, як стверджують сучасні філософи, «время–форма осуществления бытия, обеспечивающая длительность существования бытия и последовательность смены его состояния» [3, с.153]. «Час – форма здійснення буття, що забезпечує протяжність існування буття й послідовність зміни його стану».

З огляду на це ми використовували не лише лінгвістичні категорії, а й поняття філософії й психології.

Для побудови мікросистеми використано ієрархічну структуру ідеографічної класифікації фразеологічних одиниць (далі–ФО) запропоновану Ю.Ф.Прадідом: синонімічний ряд → семантична група → семантичне поле → тематична група → тематичне поле → ідеографічна група → ідеографічне поле [6, с.40].

Проведений нами зіставний аналіз дає підстави стверджувати, що семантична група «Сприйняття швидкості часу» на матеріалі українських ФО реалізується безпосередньо через синонімічні ряди, а в англійській мові ФО семантичної групи реалізуються через наявність синонімічних груп. ФО мають такі значення:

а) дуже швидко/ швидко: **алюр три хрести.**– Алюр три хрести, - схопив дід палку і почвалав до сільради (Кучер) ; **не вспієш оком моргнути (не встигнеш, не встиг, не вспів) [і] оком моргнути (змигнути) [як].** – Не встигнеш оком моргнути, як його стільки нашевкається, що «рятуйте» кричатимеш; **як одна година.** – Ти-